

Доллина доля

Dolly's Follies

**Доллина доля,
или
Мутантный Мутон**

ВИКТОР ФЕТ

Иллюстрации:

БАЙРОН В. СЬЮЭЛЛ

**Eotype
2017**

Издательство / *Published by* Eotype,
Huntington, West Virginia, USA

Текст / *Text* © 1998—2017 Виктор Фет / Victor Fet

Иллюстрации / *Illustrations* © 2017 Байрон В. Сьюэлл / Byron W. Sewell

Обложка / *Cover design* © 2017 Натан Р. Сьюэлл / Nathan R. Sewell

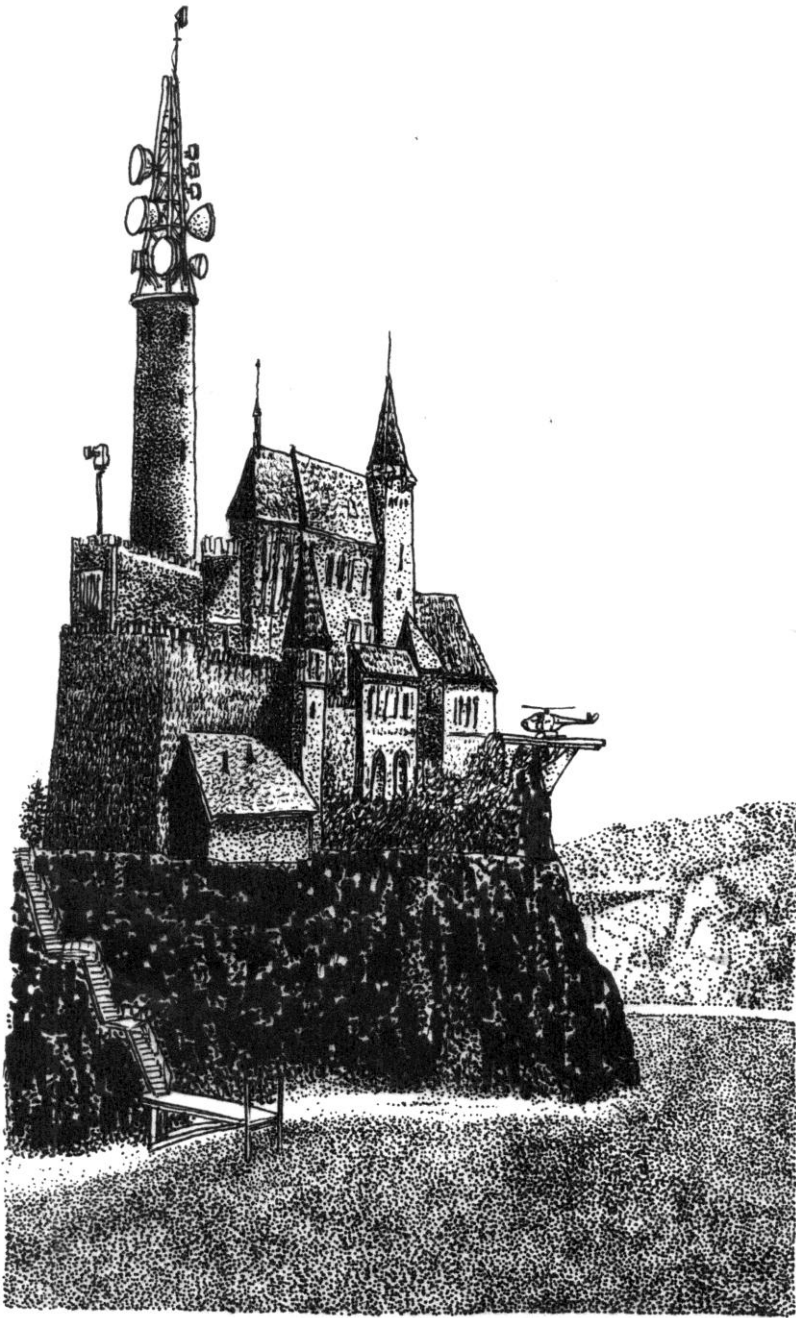
All rights reserved.

ISBN: 1453827196
ISBN-13: 978-1453827192

Вильяму Швенку Гилберту

Список иллюстраций
List of Illustrations

	<i>Стр. /</i>	
	<i>Page</i>	
<i>Форт Сен-Жермен</i>	<i>8</i>	<i>Fort St. Germaine</i>
<i>Мэри</i>	<i>14</i>	<i>Mary</i>
<i>Паук</i>	<i>21</i>	<i>A Spider</i>
<i>Онегин</i>	<i>22</i>	<i>Onegin</i>
<i>Ли</i>	<i>31</i>	<i>Li</i>
<i>ДНК</i>	<i>37</i>	<i>DNA</i>
<i>Альцест</i>	<i>44</i>	<i>Alceste</i>
<i>Молодой Мутон</i>	<i>51</i>	<i>Young Mouton</i>
<i>Аризона после войны</i>	<i>58</i>	<i>Post-War Arizona</i>
<i>Учёный</i>	<i>62</i>	<i>A Scientist</i>
<i>Лаборант</i>	<i>66</i>	<i>A Technician</i>
<i>Взрослый Мутон</i>	<i>73</i>	<i>Adult Mouton</i>
<i>Аркадий Бэр</i>	<i>78</i>	<i>Arcady Baer</i>
<i>Попугай</i>	<i>86</i>	<i>A Parrot</i>
<i>Мутон-Вождь</i>	<i>92</i>	<i>Mouton the Leader</i>
<i>Бараны</i>	<i>98</i>	<i>The Sheep</i>
<i>Мутон после войны</i>	<i>106</i>	<i>Post-War Mouton</i>
<i>Хлорофилл</i>	<i>109</i>	<i>Chlorophyll</i>



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЬЦЕСТ, аспирант и бард

АРКАДИЙ БЭР, директор Форта Сен-Жермен

ГЕННАДИЙ ОНЕГИН (ГЕНА), генный инженер

МЭРИ, американский биолог

ЛИ, китайский биолог

МУТОН, мутантный баран

БЕККИ, овца.

БИЛЛ, техник по холодильникам

БОРИС, электрик

САНЧЕС, полковник (позже — генерал)

Люди (учёные, политики, генералы, астронавты)

БАРАНЫ

МЫСЛЯЩИЕ ТРАВЫ

ВИРУС

ПРОЛОГ

АЛЬЦЕСТ.

Я — аспирант из здешних мест,
Моя фамилия Альцест,
Я за собой всегда ношу гитару,
Пою об этом и о том,
И мы сегодня вам споём,
Мы вволю попоём с гитарою на пару.

Мне жанр капустника милей,
Чем пляски сотен лебедей,
Я также оперу люблю и оперетту,
Как некий киноджентльмен,
Брожу по Форту Сен-Жермен,
Откуда чудеса пойдут по свету.

О чём сегодня вам спою?
Люблю генетику мою,
В ней всё так восхитительно и ново,
Но я предупреждаю вас —
За геном нужен глаз да глаз,
Пока не стало нам совсем хреново.

Мы здесь, на Форте Сен-Жермен,
Баранам улучшаем ген,
Хоть не изменит он бараньей доли.
Их гены видим мы насквозь, —
А как всё это началось?
Всё это началось с овечки Долли.

ХОР. Видишь ферму в чистом поле? —
Там живет овечка Долли,
Это специальная овца.
Что такое? Скажем прямо —
Есть у Долли только мама,
Но у Долли нет и не было отца.

Напрямую мы из клеток
Научились делать деток
У свиней, и помидоров, и коров, —
У селекций, у генетик
Ни моралей нет, ни этик —
Отклоняем, да так, что только
будь здоров.

Пусть в крови гнездится вирус,
Пусть он там возник и вырос —
На него найдём антитела.
Но человеческие гены
Всё, как прежде, неизменны,
Неисповедимы Господа дела.

АРКАДИЙ БЭР. Я — открыватель генных правил,
Меня зовут Аркадий Бэр.
Я изучать себя заставил,
И всем поставлен я в пример
В биологической науке,
Мой разум твёрд и чисты руки,
И здесь, на Форте Сен-Жермен,
Я вывожу за геном ген.

Онегин Гена, мой коллега,
Родился посреди Москвы,
Вдали от озера Онега.
Но нету лучшей головы
От Орегона до Китая —

Вам гены с лёгкостью читаю,
Его способная рука
Всем быстро вправит ДНК.

ХОР УЧЁНЫХ. Вся ДНК, вся ДНК
Не расшифрована пока,
Но есть для каждого белка
У человека ДНК,
Есть ДНК, да-да, есть ДНК.
А у барана для вкуса шашлыка
Есть свой особый участок ДНК,
Не расшифрованный пока.

ГЕНА. Граждане, послушайте меня,
Гена Онегин — это буду я.
Заступаю я на смену,
Расфасовываю гены,
Генный инженер — профессия моя.

МЭРИ. Я биолог, доктор Мэри,
Предо мной открыты двери,
Я в ООН-овской комиссии сажу.
Я курирую объекты,
Спонсирую проекты,
Доллары по миру развожу.

ЛИ. Я биолог, доктор Ли,
Я ношусь вокруг земли
С мирной миссией,
как голубок Пикассо.
Сам я родом из Китая,
И я отлично понимаю.
Что планете нужен рис, а также мясо.

ХОР УЧЁНЫХ. А через поле, поле речка,
А за ней опавший клён,

А под ним стоит овечка,
А овечка эта — клон.

ГЕНА, МЭРИ и ЛИ (*вместе*).

Человек преобразовал природу,
Хромосому починил уроду,
Нам стыдиться не к лицу —
Мы клонируем овцу,
Мясо, шерсть и жир даём народу.

ХОР УЧЁНЫХ.

Человек преобразовал природу,
По дороге потерял свободу,
Нам стыдиться не к лицу —
Мы клонируем овцу,
Человечество ведём
к победному концу.



Мэри / Mary

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ИНТЕРМЕДИЯ

БОРИС (с куском проводки). Билл, а Билл.

БИЛЛ (с гаечным ключом). Чего тебе, Борис?

БОРИС. Ты в город сегодня за пивом поедешь?

БИЛЛ. Мне некогда. Морозильник чинить надо. Не почию — все ихние гены и подохнут. (*Чинит.*)

БОРИС. Ужас какой.

БИЛЛ. Ну, не все, но некоторые — я тебе точно обещаю: разморозятся и подохнут.

БОРИС. Не говори. Всё же здесь не такой бардак, как у нас в России... А ты в город сегодня за пивом поедешь?

БИЛЛ. Я тебе уже сказал, некогда. Морозильник чинить надо. (*Чинит.*)

БОРИС. Закрытая биостанция — Форт Сен-Жермен. За пивом полчаса ехать надо. Не, я не жалуясь. Я, Билл, прямо судьбе благодарен, что меня сюда взяли. Геннадий Евгеньич Онегин меня сюда к себе выписал, лаборантом. По электричеству, по всем источникам питания, по центрифугам... это уж моё дело... как чего не завертится, или микрочипсы полетят... У нас часто летели. Мы с Геннадь Евгеньичем десять лет в Москве вместе работали, в ИГУАНе. Ну, на Ленинском проспекте, название такое — ИГУАН — Институт Генетического Усовершенствования Академии Наук, знаешь?

БИЛЛ. Борис, я никогда в России не был.

БОРИС. Ну ты даёшь. А где же ты был?

БИЛЛ. Я везде был. Я был в армии, в Германии служил

— четыре года. Там окончил курсы по холодильным установкам. Дома, в Америке — на мясокомбинатах работал, в Северной Каролине, в Западной Виргинии, в Пенсильвании. Много лет работал, все холодильники знаю, наши, японские, немецкие. Потом сюда устроился. А так работы одно время не было, холодильные грузовики водил по всем по нашим Соединённым Штатам необъятным. Я все сорок восемь континентальных штатов пересёк. А ты говоришь — нигде не был. Я везде был. А мне только сорок шесть лет.

БОРИС. А ты старше. Мне сорок два... А почему ты говоришь — сорок восемь?

БИЛЛ. Мне сорок шесть, а не сорок восемь.

БОРИС. Нет, почему штатов сорок восемь? Я думал, их пятьдесят. Знаешь, как в песенке поётся:

«Все пятьдесят Соединённых Штатов
Я за берёзку милую отдам...» ?

БИЛЛ. Аляска и Гавайские острова не считаются. На Гавайские острова холодильные грузовики не ездят. А на Аляске и так холодно.

БОРИС. А Аляска, между прочим, наша была. А ты в город сегодня за пивом поедешь?..

АЛЬЦЕСТ. Для мудреца, для простака
Совет один я дам пока,
Хотите знать наверняка —
Спросите вы у ДНК.

В чём запах нежного цветка,
В чём вкус росы и молока,
В чём свет звезды и маяка —
Ответ найдёте в ДНК.

Полёт пчелы и мотылька,
Звук паровозного гудка,
И полный невод рыбака,

И трепетанье лепестка —
За всё в ответе ДНК.

Когда владеет мной тоска,
Когда подруга далека,
Когда весной я пьян слегка,
Когда тепла твоя рука,
Во всё́м повинна ДНК.

К бумаге тянется рука,
В душе рождается строка,
И песня льётся с языка,
А сердце рвётся в облака —
Всем управляет ДНК.

Когда вам жизнь дает пинка,
А вождь орёт с броневика,
И богача, и бедняка,
И принца, и истопника —
Всех уравниет ДНК.

Вся ДНК, вся ДНК
Не расшифрована пока.
Но есть для каждого белка
У человека ДНК.
Так повелось от века и осталось
на века,
От инфузорий до цветка,
У всех живых существ есть ДНК.

А у луча луны, у ветра и у ручейка
Нет ДНК, увы, нет вовсе ДНК.
Твои глаза ласкает лунный свет,
Но в них есть жизнь,
а в лунном свете жизни нет.

ГЕНА, ЛИ и МЭРИ инспектируют загон с баранами.

МЭРИ. В последнее время мы интенсивно занимаемся обменом генов между баранами и другими животными.

ЛИ. Каким же образом?

МЭРИ. С помощью обезвреженных вирусов. Эти бараны получили гены от попугаев.

(Звенит в звонок.)

Барашки, поговорите, пожалуйста. Внимание — начали.

Баран и овца медленно и упорно разговаривают.

МУТОН. Мы — бараны, мы — бараны. Я — баран. Я — баран.

БЕККИ. Мы — овцы, мы — овцы. Я — овца. Я — овца.

МУТОН. Мы — едим — траву. Она вкусна.

БЕККИ. Она вкусна. Трава вкусна.

МУТОН. Трава — вкусна и зелена она.

БЕККИ. Мы на траву — глядим. И мы траву — едим.

МУТОН. Хочу травы. Она — вкусна. И зелена.

МЭРИ. Спасибо. *(Звенит в звонок.)* Барашки, спойте, пожалуйста. Внимание — начали.

МУТОН и БЕККИ *(поют)*.

Форт Сен-Жерме-ен,
Форт Сен-Жерме-ен,
Внутри его высоких сте-ен
Нам люди улучшают ге-ен.
Форт Сен-Жерме-ен.

МЭРИ. Спасибо, барашки.

ЛИ. Поразительно.

МЭРИ *(гордо)*. Они могут также считать до четырёх, в пределах количества ног у одного, отдельно взятого барана.

Ли. Поразительно. Как же вы этого достигли?

МЭРИ. Генная инженерия, доктор Ли. Чудо, понятное в наши дни любому школьнику.

ХОР УЧЁНЫХ. Чудная зелёная планета
Выбрана Создателем для нас,
Посмотри, чего здесь только нету,
Сколько трав, и птиц, и форм, и рас.

Закодирован язык Природы,
Каждый вид свои имеет коды,
Каждый ген сплетён на свой манер,
Каждый вид устроен, словно крепость,
Им гибриды — явная нелепость,
Так живёт Природа без химер.

Но настали нынче перемены,
Человеку покорился ген —
Разрезают, множат, клеют гены
На секретном Форте Сен-Жермен.

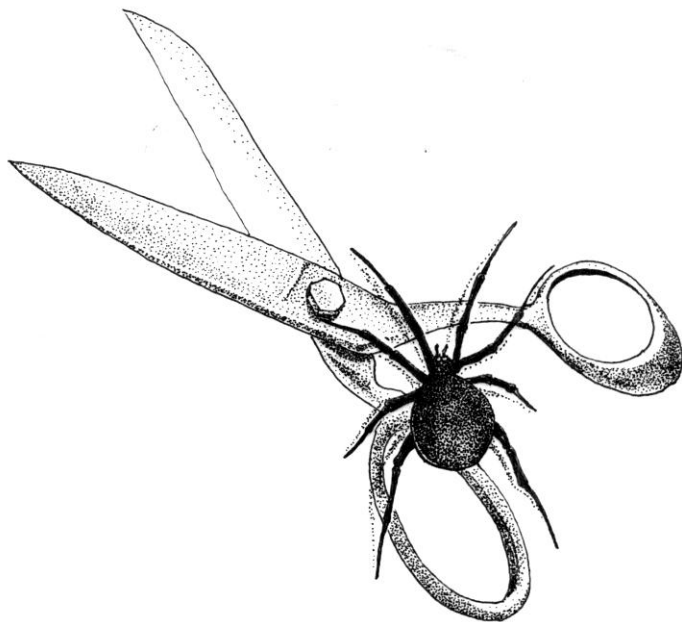
МЭРИ (вальс). Пограничнику — ген от овчарки,
А подводнику — ген от кита,
Как под ёлкой толпятся подарки,
Мельтешит хромосом пестрота.

Расплетя хромосомы двойной гобелен,
Мы находим нетронутый ген,
И все коды доступны и видимы нам,
Как земным всемогущим богам.

Щедро Богом разбросаны гены,
Как рецепты для новых чудес,
Как алмазы, они драгоценны,
И дороже, чем золота вес.

Раздели, растяни, прочитай, переправь,
Сохрани, ограни, переплавь:
Человечеству пользу они принесут,
Как и всё, что мы делаем тут.

Учёные вальсируют.



ИНТЕРМЕДИЯ

БОРИС (*чинит центрифугу*). А вот ещё Геннадь Евгеньич когда работал в Японии, они там такой ген открыли. Пересадили людям от дельфинов или китов, чтобы люди могли под водой дышать и на морском дне могли бы добывать золото и другие ценные материалы.

БИЛЛ. У нас в Америке в газетах писали про это. Только газетам разве можно верить? Сегодня одно пишут, завтра другое.

БОРИС. Я своими глазами видел, их к нам на владивостокский стационар привозили. Люди по морскому дну ходили. Как в фильме «Человек-амфибия». Только долго не жили, умерли быстро. Что-то не то у них с обменом было или с витаминами.

БИЛЛ. Вот они говорят — гены, гены. А человека разве переделать можно? У человека природа упрямая.

Лаборатория. ГЕНА, АРКАДИЙ и МЭРИ проводят опыты.

МЭРИ. Смотрите — это проба ДНК,
Наш лучший маркер —
 ген от светлячка.
Его зеленоватое сиянье
Показывает клетки состоянье.

Мерцание на экране.

АРКАДИЙ БЭР (*смотрит на экран микроскопа*).
Светящиеся пробы-огоньки —
Вся ДНК на сумрачном экране —
Как будто лодки вдоль большой реки
Чуть движутся в предутреннем тумане.

Прислушайтесь —
вы слышите свисток?

Звук сверчка.

Нам этот ген пожертвовал сверчок.
Мы сочетаем знания наук,
Определяя разных генов коды.
Так ДНК несёт сигналы — свет и звук,
Два волновых движения природы.

(Работает.)

ГЕНА. Таятся в белых кровяных тельцах
Мутации, что зародились в праотцах,
Все гены наши в этой капле есть —
И совесть, и любовь,
и ненависть, и честь,
Всех опер и стихов и ноты, и слова,
Страдания любви, идея божества.

(Работает.)

Я выращу и срежу на корню
Всех клонов ткани, органы и клетки,
Я разыщу, размечу и сравню
Те гены, что редки, с такими, что нередки,
Разрежу, разделю, слеплю, перетасую;
Как краску, разотру; как мелом, разрисую;
Как глину, разомну; умножу тыщекратно
И в клетки затолкну обратно —
В сплетеньи хромосом,
в спиральном волокне, —
Плодитесь, гены, так, как это нужно мне.

ХОР УЧЁНЫХ. В сплетеньи хромосом
и в предвкушеньи драм —
Плодитесь, гены, так, как это нужно нам.

МЭРИ (*работает*).

Я включу микроскоп, засвечу изотоп,
Разгоню, разделю и измерю,
Проявлю, посмотрю, десять раз повторю,
И тогда только в это поверю.

Так в науке у нас — веры на слово нет,
Объясни каждый шорох и скрип ты,
Пусть и тысячекратный ты авторитет,
Проверяют твои манускрипты.

АЛЬЦЕСТ. Момент блаженный предвкушенья
Открытия или решенья,
Иль исполнения мечты,
Как человеку свойствен ты.

Уже окончена дорога,
Тревога покидает нас,
Но не перешагнуть порога,
Пока не пробил точный час.

Волненье в воздухе разлито,
Как запах терпкого вина,
И та минута не прожита,
Та фраза не завершена.

ГЕНА (*смотрит*). Что это? Погляди, Аркадий! Пробы
На ген *бараньей* сущности — и здесь,
Здесь, в ткани человека?.. невозможно!

Звук сверчка. Мерцанье на экранах.



Гена Онегин / Gene Onegin

АРКАДИЙ БЭР (*смотрит*).

Нет невозможного, Геннадий.
Перед нами
Ген сути человека. Да, тот самый
Заветный ген, что нас определяет
И от зверей и гадов отделяет.

ХОР УЧЁНЫХ.

Этот ген, этот ген,
Он природою спрятан умело.
Искру Божию в плен
Взяло наше звериное тело.
В прежний мозг,
Словно воск,
Капал новый фермент потаённый,
Кислород, углерод и азот
По-иному расправили в нём
электроны.

Эта новая связь,
Не боясь
Умножений, скрещений, делений,
В хромосомах зажглась
И до нас донеслась
Гулким эхом былых поколений.

АРКАДИЙ БЭР (*записывает в журнал*). Сегодня произошло потрясающее событие. В десять часов вечера в моей лаборатории сделано открытие. По своему значению для человека оно превосходит любое другое открытие нашего века.

ГЕНА (*записывает в журнал*). Нами обнаружены генетические коды, определяющие сущность человеческой природы. Ген получен в чистом виде из клеток человека, как это ни странно, благодаря реакции на ранее найденный мною ген сущности барана.

Ли. Нет никого. В загоне глупые бараны
Не помешают мне. Настал мой
звёздный час.
Я для него всю жизнь
трудился неустанно,
Не покладая рук и не смыкая глаз.
О тайный Сен-Жермен, о генов цитадель!
Пятнадцать лет я ждал минуты этой;
Сюда прокрался я,
в халат учёного одетый,
Чтоб ген заветный унести отсель.

Я с тайной миссией, как голубок Пикассо,
Сюда пробрался под эгидою ООН.
Да, я шпион. И пусть презрения гримаса
От вас награда мне;
всё так; да, я — шпион.

Правительство страны моей обширной
На мирных нивах труд
желает видеть мирный,
Чтоб наши люди не хотели перемен,
Мы им секретно всем
привъём бараний ген.

Мечта царей, и президентов,
и султанов —
Народ, в чьих генах есть
безропотность баранов,
Покорность агнца, безразличие овцы,
Не к этому ли встарь
стремились мудрецы?
Не это ль, Лао Цзы,
есть сущность мироздания —
Рожденье, жизнь и смерть —
без мысли, без страдания?..

Ли бросается к загону, пытается заткнуть рот МУТОНУ, тот сопротивляется. Пробирки с вирусами падают внутрь загона и разбиваются.

БОРИС (входит с травой).

Ну, полно тут кричать —
Вот и трава... Да что ж это такое?
Ужо тебе! кыш, кыш!
(Бросается на шпиона.)



Виктор Фет

*Суматоха. Внезапно зажигаются прожектора.
Врывается полковник САНЧЕС с охраной.*

САНЧЕС (*в громкоговоритель*). Сдавайтесь, вы окружены. Ваш заговор разоблачён. Сопротивление бесполезно.

Охранники хватают Ли.

Ли. Я проиграл. Что ж, такова моя планида.
На помощь мне приди, о капля цианида.
(*Умирает.*)

Занавес.

ИНТЕРМЕДИЯ

БОРИС и Билл завтракают.

Билл. И он оказался китайским шпионом.

БОРИС. А как же его разоблачили?

Билл. Наша секретная служба перекупила их резидента. Как в кино. Никто не знал.

БОРИС. Страсти какие. Ты не поверишь, а я испугался. Немудрено было. Захожу с травой, а тут этот шпион барана душит, а баран кричит «Борис, Борис»! Как в страшном сне.

Билл. Нам сказали, что он очень ценные гены хотел похитить. Пробирки здесь нашли у барана в загоне, все разбитые.

БОРИС и Билл уходят, оставляя остатки бутербродов от своего завтрака.

Доллина доля, или Мутантный Мутон

МУТОН *выходит из своего загона. Его глаза странно оживлены. Он размышляет.*

МУТОН *(задумчиво).*

В моей — кормушке — свежая трава,
Трава — вкусна, душиста, зелена.
Она людьми нам
Для питания дана.
Что ели люди?

(Нюхает остатки обеда.)

Хлеб — он пахнет вкусным тмином.
А это — сыр! — а это — кол-ба-са?..
Я помню — нет, я знаю — все слова!
Я слышу в голове их голоса...
Но я не вижу в зеркале лица...
Ах, у меня кружится голова.

(Падает без сознания.)

БЕККИ *(взволнованно.)*

Мутон. Мутон. Мы — овцы. Я — овца.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Через месяц.

БИЛЛ. Этот баран, который чего-то наелся, когда был с китайским шпионом переполох — он не умер? не отравился?

БОРИС. Жив баран, и прекрасно себя чувствует. Здоровье-то его в порядке, но такого я еще не видел... даже здесь.

БИЛЛ. А в чем дело-то?

БОРИС. Говорить научился.

БИЛЛ. Ну, это уже давно было. Ген-то от попугаев они ещё в августе получили. Я сам слышал, как баран и овца разговаривали — трава вкусна и зелена... в этом роде.

БОРИС. Ты попробуй сейчас с ним поговори. А вон и они, кстати. Мэри и её баран.

БИЛЛ. Поговори? О чём же мне с бараном говорить?

БОРИС *(качает головой)*. С этим бараном — о чём хочешь. Тема разговора свободная. Только говори сидя. *(Даёт ему стул.)*

БИЛЛ *(садится на стул)*. Почему сидя?

БОРИС. Чтобы не упасть. *(Удаляется.)*

Входят МЭРИ и МУТОН.

МЭРИ. День добрый, Билл.

БИЛЛ.

Вам также.

МУТОН. Здравствуй, Билл.
А ты меня, наверно, и забыл:
Ведь я — Мутон. Я здесь, в загоне жил,
Ты мне носил зелёную траву.
Теперь я выше этажом живу.

БИЛЛ *(падает со стула; поднимается,
ошеломлённо щиплет себя).*
Я, видно, брежу наяву.
Овца беседует, ну точно как мы с вами...

МУТОН *(смеясь).*
Ах, милый Билл, какая же я Вам овца!
Я обзавёлся человечьими мозгами,
И человеком стать намерен до конца.

И я уже усвоил все манеры,
Культуру речи, жесты и язык,
Читать научен я — и узнаю из книг
Историю людей, морали и примеры.

Я столько нового, волшебного узнал —
Какой я был баран, что раньше не читал!
Прошу простить —
хочу я дочитать Вольтера...
(Садится в кресло и углубляется в книгу.)

БИЛЛ. *Вольтера?..*

МЭРИ *(тихо).* «Кандид».

БИЛЛ *(тихо).* «Кандид»?

МЭРИ. «Кандид». В переводе, конечно. По-французски Мутончик ещё не читает.

БИЛЛ. Простите меня, доктор Мэри. Я не верю своим глазам, и вообще...

МЭРИ. Билл, мы сами не верили. Всё это произошло так молниеносно...

Билл. Он говорит, как человек... с университетским образованием.

МЭРИ. Ген человеческой сущности, Билл.

Билл. Подождите, доктор Мэри. Ведь он — баран, да? в шкуре, с шерстью, с рогами, с копытами...

МЭРИ. Да. Внешне. Но душа у него — человеческая...

Билл. Душа — у барана?

МЭРИ. Это сложный вопрос. (*Поёт.*)

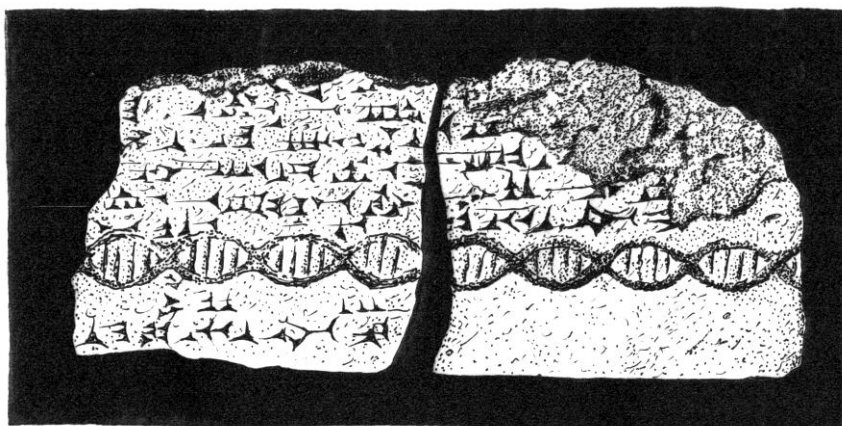
Я этикета не нарушу,
Учёные не верят в душу,
Но в нашем Форте Сен-Жермен,
Мы верим в ген, да-да, мы верим в ген.

Не всё ль равно как называть,
Что не дано нам до конца познать?

Чудес немало
в нашем Форте Сен-Жермен,
Но тот заветный человеческий ген,
Что проглотил невинный наш Мутон,
Быть может, душу формирует он.

Не всё ль равно как называть,
Что не дано нам до конца познать?

МУТОН. Послушай, ласковая Мэри:
Досады, слёзы и потери
Равно всех в этой жизни ждут,
Грустить о них — напрасный труд.
Найти иль потерять —
не всё ль равно,
Коль вечной жизни не дано?



Виктор Фет

Я мудрость эту вычитал из книг,
Я признаю, что я не всё ещё постиг,
Но я бараном был ещё вчера —
Так подождите до утра.

К рассвету
звёздный плащ утратит ночь,
Сомненья улетят с туманом прочь,
И в стенах Форта Сен-Жермен
Увидим мы, что может ген,
На что способен человеческий ген.

МЭРИ, МУТОН и БИЛЛ (*вместе*).

И в стенах Форта Сен-Жермен
Увидим мы, что может ген,
На что способен человеческий ген.

Смена картины.

ГЕНА (*вальс*). Почтовая марка с портретом Ламарка,
Листки твоего дневника,
Твои хромосомы совсем невесомы,
Почти не видна ДНК.

Клонируя гены, продвигу я смены
Моралей, привычек, и чувств,
Правительств падения, рас измененья,
Расцвет и наук, и искусств.

Гены в тебе и во мне,
При солнце и при луне,
Привычной моралью,
двойною спиралью
Среди нас наяву и во сне.

Даны от природы нам генные коды,
И краткие годы и дни.
От порчи и сглаза нас теломераза,
Волшебный фермент, сохрани.

Гены в тебе и во мне
Повторены вдвойне,
Легендой старинной, и снов паутиной,
Нежной тенью на зыбкой волне.

Учёные вальсируют.

ИНТЕРМЕДИЯ

БОРИС. Чтобы баран заговорил... такого и в России не было. Наши бараны как-то в целом были неразговорчивые.

БИЛЛ. И в Соединённых Штатах не было. Мы бы сразу узнали... он бы по телевизору выступал в толк-шоу, и по радио. Я когда холодильные грузовики водил, все новости знал. Едешь себе ночью по Аризоне. Кактусы, звёзды, слушаешь музыку, спортивные передачи, новости. В основном ерунду, конечно, передавали....

БОРИС. Я вот всё насчет ультрацентрифуги беспокоюсь.... Напряжение у нас в сети европейское, а предохранители летят всё время.

Мэри и Мутон, вдвоём.

МУТОН. Вот книги: Оруэлл — «Хутор Скотский»,
Свифт, Чапек, Пушкин и Шекспир,
Вот плёнки — Моцарт и Высоцкий,
Вот фильмы, диски... В них — весь мир,
Все человеческие думы,
Идеи драм, наборы слов.

В них роль играем лишь одну мы —
Коль ты баран, идешь ты в плов!

Как грустно. Это — участь вида,
Что одомашнен для еды.
Задолго до царя Давида,
Всю ночь до утренней звезды
Семь тысяч лет назад, как ныне,
Водил нас пастырь по пустыне,
Я это вычитал из книг.
Семь тысяч лет прошли как миг.

МЭРИ. Таких примеров нет в литературе,
Как символ свой, тебя создал
двадцатый век.
Ты не баран, ты человек в овечьей шкуре.
Ты мыслишь —
следовательно, ты человек.

МУТОН. Вы — хищников прожорливая раса.
Пойми же наконец —
ведь вы едите наше мясо!

Я — конечный результат эволюции,
И я понял всё, к чему она ведёт:
Я рождён, чтоб стать вождём революции
Против тех, кто пожирает мой народ.

МЭРИ. Мой милый Мутон —
ты даже не был рождён,
Ты вырос в пробирке,
ты искусственный клон,
Из Доллиных клеток мы создали деток,
И ты среди них, мой отважный Мутон.
О как я тебя жалею, безумна твоя затея,

Хор. Выход есть из рабской доли
Для баранов и овец.

МУТОН и БЕККИ.

Мы идём к великой цели,
Мы встаём за новый мир,
Где баранов бы не ели,
Где б не тёк бараний жир.

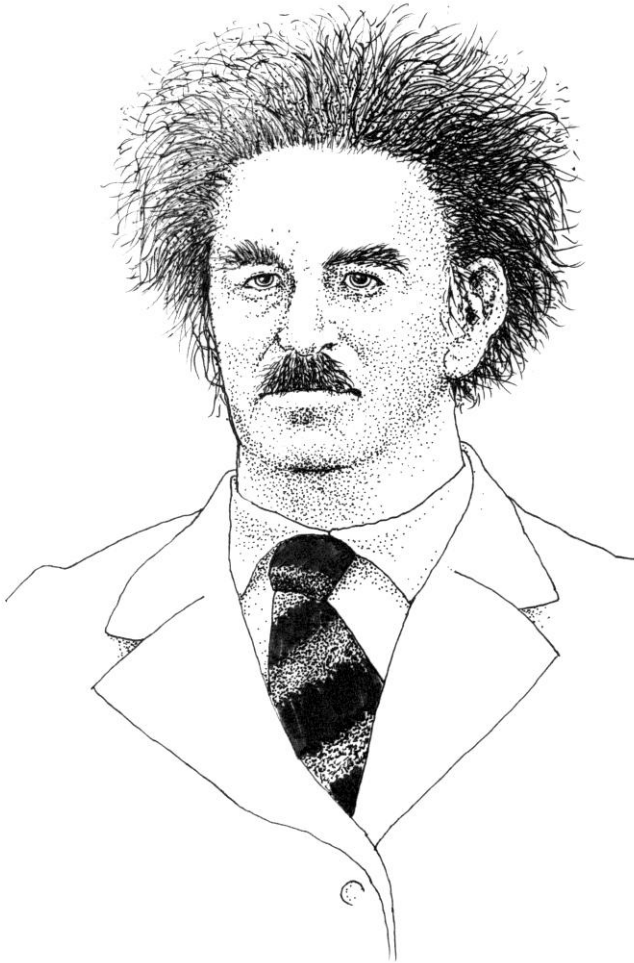
Хор. Где баранов бы не ели,
Где б не тёк бараний жир.

МУТОН и БЕККИ.

Наша цель свежа и нова,
Манит светом маяка
Мир без мяса, мир без плова,
Новый мир без шашлыка.

Хор. Мир без мяса, мир без плова,
Новый мир без шашлыка.

Виктор Фет



Альцест / Alceste

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В горах то ли Палестины, то ли Аризоны.

ХОР БАРАНОВ. По планете слышен топот,
То не моря грозный ропот,
То ведёт баранов новый вождь Мутон,

Только пыль встаёт над нами,
Мы бараны, но с мозгами, —
Утвердим везде бараний наш закон!

Отворяйте, люди, двери
Наших клеток и вольер,
Дайте место новой вере,
Крепче ваших древних вер.

Через бури катаклизма
Свет грядущий видит он,
Вождь овцизма-баранизма
И пророк его, Мутон!

МУТОН. *К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь...*
Простите, люди — эту пушкинскую оду
Я не могу умом своим постичь.

Мы все равны — перед лучом луны
и звёздной пылью,
Слиянием хромосом мы рождены,

Без всяких вариантов неизвестных,
Не ошибаясь больше никогда,
Плодите лишь баранов бессловесных,
На мясо их, на мясо, господа...

ЧЛЕНЫ СОВЕТА. В сознании бараньей своей правоты
Ликуют бывшие немые скоты.
Бунтует рогатая банда
От Ганга и до Гельгоlanda.

От Замбии до Зурбагана
Нет больше немого барана,
От Гомеля до Гондураса.
Не стало ни шерсти, ни мяса.

От Арктики до Аргентины
Нет больше послушной скотины,
От Бостона до Бологого
Обходятся люди без плова.

МЭРИ. Нет больше средь нашей природы
Барана, покорного людям.
Ужели мы, люди, осудим
Того, кто добился свободы?

ГЕНА. ООН признаёт их в составе наций,
Мы выделим им земли в Аргентине,
В пампасах, или там в полупустыне,
Ну что-то наподобье резерваций.

АРКАДИЙ БЭР. Какой там Оруэлл...
Дела и точно плохи.
Должно быть, господа,
настал конец эпохи.
Ах, мяса бы кусок сейчас... Да что я,

Виктор Фет

Шесть месяцев подряд к обеду —
только соя.

Нет, соя не уймёт мою тоску.
О, как же я тоскую по куску
Копченых рёбер, жареных на гриле...
Какие времена, какие блюда были...

АЛЬЦЕСТ.

Пою онегинской строфою
Я про баранов и овец,
В ответе я перед толпою —
В чем смысл пиесы? Где конец?
Где будет общий знаменатель?
Ах, зритель, слушатель, читатель,
Есть простота на мудреца,
Но нет счастливого конца.

Вам опер мыльных, точно опий,
Привычен голубой экран...
Ужель, герой антиутопий,
Восторжествует наш баран,
Овец ведущий к жизни новой?
Позвольте выдумкой суровой
Еще раз потревожить зал —
От хэппи-эндов я устал.

Появляется ВИРУС.

ВИРУС (*танцует и поёт*).

Случайного гения очередное создание,
Я — вирус, несущий души человеческой ген,
Ваш ген для сознания и слез,
для любви и страданья,
На этой планете я — вестник
больших перемен.

Доллина доля, или Мутантный Мутон

Я — вирус, я — вирус, души я своей не имею,
Пред всем вашим многообразием
я просто немею,
Я выращен в крохотной трубке
на вашем столе,
Но нету сильнее меня существа на Земле.

ХОР. Он выращен в крохотной трубке
на нашем столе,
И нету сильнее его существа на Земле.

ВИРУС. Во всех я животных проникну и очеловечу,
Я душу создам у грибов и растений внутри,
Проникну я в рис, и в пшеницу,
и в свёклу, и в гречу,
Во всё, что растёт на планете
под номером три.

Я — вирус, я — вирус,
и мне не страшны ваши муки,
На этой планете я буду последний жилец,
Я — вечная жертва и мученик вашей науки,
Я видел начало людей и увижу конец.

ХОР. Он — вирус, он — вирус,
он мученик нашей науки,
Он видел начало людей и увидит конец.

ГЕНА (поёт). Как у нас из обезьяны
Развивался мозг и вырос,
А нахальные бараны
Обрели готовый вирус.

Сен-Жермен, моя квартира,
Форт, от войн былых спасённый,
Изменяет судьбы мира
Вирус, мной же порождённый,
Изменяет судьбы нынешнего мира
Вирус, порождённый мной.

Мы пустили вирус новый,
Вирус экспериментальный
В мир незрелый, не готовый
К эпидемии глобальной.

Что же с Сен-Жерменом будет?
Пей вино, пакуй котомки...
А потомки нас осудят —
Если будут жить потомки.

Сен-Жермен, моя обитель,
Ты — как остров осаждённый,
Общий наш поработитель —
Вирус, мной же порождённый,
Общий наш
пара-пара-поработитель —
Вирус, порождённый мной.



Молодой Мутон / Young Mouton

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Через семь лет.

АРКАДИЙ БЭР. Прошло семь лет. И съедена тушёнка,
И гамбургера вкус нам больше незнаком.

МЭРИ. Всё меньше нас, людей —
ведь мать ребёнка
Лишь человеческим теперь
питает молоком.

ГЕНА. Но и успехи есть. Вот за гигантский рис
Форт Сен-Жермену
дали Нобелевский приз.

АРКАДИЙ БЭР. Пшеницу мы растим и собираем в срок
Свой урожай с полей,
не тронутых скотиной.

ГЕНА. А соя — что же, как-никак белок.
Плюёмся — но едим. Процесс пошёл...

АРКАДИЙ БЭР. Правительства всех стран
вошли в Союз единый.
В суровый час садимся мы за стол
Переговоров.

ГЕНЕРАЛ САНЧЕС. Иссекает раса,
И нет у нас энергии без мяса.
Говядина, баранина, свинина
Определяли свойства гражданина.
Их нет — и дух упал, и пыл угас,

Призывы больше не волнуют нас,
Сдаём позиции и уступаем страны.
Вот подложили нам свинью бараны...

МЭРИ. Но тут уж не взаимная обида.
Здесь речь идет о сохранении вида.

ПЕРВЫЙ ОХРАННИК. Внимание!

ВТОРОЙ ОХРАННИК. Смотрите, вот и он.
Бараний фюрер
и король скотов, Мутон!..

ПЕРВЫЙ ОХРАННИК. Генералиссимус быков
и принц овец...
Эх, если б не приказ... ему бы и конец,
Вот это дело было бы по мне.
(Сжимает автомат.)

МЭРИ (охране). Все выйдите. Оставьте нас наедине.

*Все уходят. Появляется МУТОН в военной форме,
красном плаще.*

МУТОН (приближаясь). О, ты ли это, Мэри?

МЭРИ. Да.
Мутон, семь лет назад расстались мы.
Ты не жалеешь, что ушёл тогда?

МУТОН . Ушёл из этой ласковой тюрьмы?
О, я не мог иначе, Мэри, нет.
Я стал мудрей.
Семь лет прожитых для барана —
Они как человеку сорок лет.

Мэри. К чему кривить душой — война и есть война.
И мы сражаемся за вида выживание.
Теперь вам территория дана.
Возможно ль прекратить
взаимное страданье?

Да, многие из нас не смогут жить без мяса,
Но я не с ними — вегетарианка я.
Хоть нас не большинство, но партия моя
Уже имеет вес, и мы дождёмся часа...
Вот наша собственная свежая люцерна,
Возьми, попробуй —
сорт из Форта Сен-Жермен.
(Едят.)

Мутон . Нуждаемся мы в ваших травах — это верно,
Но, кроме мяса, что мы можем дать взамен?

Мэри. Торговые посты могли бы завести мы.
В обмен на кормовые семена
Мы можем брать ту шерсть,
что вам не так нужна,
И молоко нам для детей необходимо...

Мутон (задумчиво).
Философы пусть комментируют детали
О сосуществованьи двух разумных рас.
Но гены человечества едва ли
Проникли, Мэри только в нас.

Разносит ветром этот вечный вирус,
Меняющийся с каждым днём,
Он в каждом виде по-иному вырос,
Что знаем мы о нём?

Трава, что мы едим, разумной станет,
Дай только срок,
И человеческий ген в траве воспрянет,
И засвистит сверчок.

Что знаем мы об этих переменах,
И что произойдёт тогда?
Без ваших знаний, без наук о генах
Не выживут стада.

Что ум наш без знаний? Философы правы:
Лишь знанье над миром дает тебе власть;
Покорны вам, людям, и гены, и травы —
Так дайте нам знаний, чтоб нам не пропасть.

Пусть будут все наши различья забыты —
Учите нас, люди, как малых ягнят!
Компьютерных клавиш коснется копыто
И струны гитары под ним задрожат.

(Внезапно:)

Мне горло душит...

Ах, прости — не знаю, что со мною.
Волнуюсь я, и дух в смятеньи мой.

(Смотрит на блюдо с люцерной.)

Зелёная трава... проростки, как весною...
Как только снег сойдет... так прошлую зимой
Скрывался я от вас в горах Памира,
Где скалы черные да вечные снега...
За голову мою и за мои рога,
Представь себе, сулили Нобелевку Мира...
Вот так прошла последняя зима.
За мной одним охотился весь мир.
Да ты ведь знаешь всё это сама.

МЭРИ. Поверь мне, я не знала про Памир.

МУТОН. А если б знала — ты бы донесла?

МЭРИ. Как можешь ты... Ведь я тебе тогда
Открыла... на волю двери...
(*Задыхается.*)

МУТОН. Что... что с тобою?! Ласковая Мэри!

Мэри падает. Мутон склоняется к ней.

МУТОН. Тяжёлое дыхание... мутный взгляд...
Нет! Нет! Измена! Яд!
(*Хватает блюдо с люцерной, нюхает
стебли.*)
Но кто посмел бы отравить посла?
(*Задыхается.*)

*Звук сверчка.
Вбегает охрана.*

МЭРИ. Мутон. Прости. Тебя я не спасла.
Мы дети разных рас... Так было суждено...
(*Умирает.*)

МУТОН. Трава — вкусна, душиста, зелена... Она
людьми нам для питания дана...
Ах, так не всё ль равно,
Коль вечной жизни не дано.
(*Умирает.*)



Военно-Учёный Совет.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА. Всем достался, всех заполнил,
От коровы до цветка
Ген идеи человека,
Нашей сути ДНК.

ДНК от человека
Есть у каждого куста —
В миллионы видов разом
Засадили мы наш разум,
Наша совесть нечиста.

Всё что дышит, всё, что живо,
Всё теперь умно и лживо,
И наивно, и коварно,
И, как мы, тоталитарно.

Есть у всех созданий в мире
До последнего рачка
Ген души от человека,
Нашей сути ДНК.

Так поэтому и нужно
Всем зажечь отныне дружно,
Если можем мы друг с другом
Всё, как люди, обсудить.

Обсудить, конечно, можно,
И практически несложно,
Но никто не хочет слушать,
Всё в природе хочет кушать,
И этого не отменить.

Лев с бараном лягут рядом
Только, если каждый сыт,

Виктор Фет

Если голод в организме,
Он забудет всякий стыд.

Каждый злак и каждый жук
Пожинает плод наук,
Человеческие гены
Им от нас достались вдруг.

Жук обдумывает, как
Лучше съесть разумный злак,
Не надейтесь — этот злак
Тоже вовсе не дурак.

Миллион разумных рас
Ополчился против нас —
Кто ж из них умнее станет,
Изменяясь каждый час?

У бактерий есть умы,
У холеры и чумы,
Кто б из них ни стал хитрее,
Первой жертвой будем мы.

В поле черви-переростки
Выползают из земли,
В море склизкие медузы
Окружают корабли.

Альбатросы ходят тучей,
Самолет затмив летучий,
Каждый зверь и каждый гад
Нас теперь обидеть рад.

Шар земной в тумане светит
Среди тысячи планет,

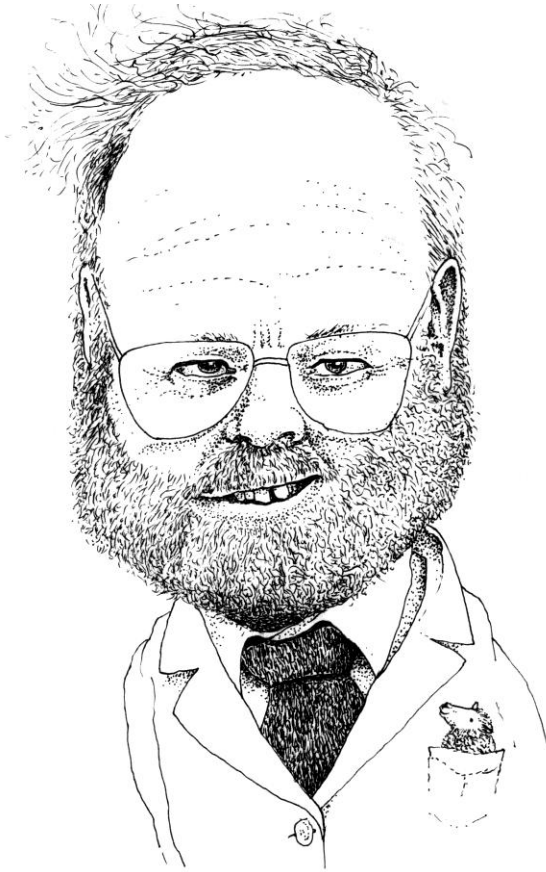
Кто увидит, кто заметит
Солнца отражённый свет?

Наказание какое,
Это что же за беда,
Как динозавры в мезозое,
Вымираем навсегда

АЛЬЦЕСТ. Пора, друзья мои, пора,
Уже прохладны вечера,
Наук безумных доктора,
Мы в тупике,
Мы у людей забрали ген,
Надежду дали им взамен,
В лаборатории, как в плен
Бредём в тоске.

От жизни взяли мы своё,
В халатах белых вороньё,
Мы препарируем её,
Но есть черта,
Когда мы замыкаем круг,
И скальпель падает из рук,
И понимаем — всё вокруг
Есть суета.

О, если б можно было взять
И повернуть бы время вспять.
И, засыпая, не считать своих овец,
Пятнадцать только бы минут
Еще поспать — но нас зовут.
Мы знаем — это Страшный Суд,
И нам — конец.



ИНТЕРМЕДИЯ

БОРИС. То есть, Геннадий Евгеньич, получается человечеству конец?.. И даже войны-то не было настоящей..

ГЕНА. Вроде бы конец. (*Думает.*) Да, наверно, конец. Неожиданный, необычный. Но — биологически логичный.

БИЛЛ. А жалко. Только мы холодильники наладили. Пойду проверю холодильники. (*Уходит.*)

БОРИС. Ультрацентрифугу надо бы всё же посмотреть. Наверно, просто предохранитель сторел. (*Уходит.*)

ГЕНА (*один, в белом халате, с пучком травы в кулаке*).
А может быть, ещё не конец?..

АЛЬЦЕСТ. Забит последний гол, и поле опустело.

 Душа пуста, и скоро опустеет тело.

 Я человечеству пою в его последний час,

 Ведь вскорости уже не будет нас.

 Не будет нас, увы, не будет нас.

 Уходим мы в небытие — досадно,

 Но что же делать — чистая игра,

 Всё ДНК, эх, будь она неладна.

 Чисты озера и прохладны вечера,

 Двенадцать пробило — пора, друзья мои, пора.

 Не будет нас в лачугах и в дворцах,

 Весь мир оставшийся о нас забудет,

 Нужды не будет ни в глупцах, ни в мудрецах,

 И солнце вновь взойдёт — но нас уже не будет,

 Ни грусти, ни любви, ни городов, ни рас,

 Да, больше никогда не будет нас.

Виктор Фет

На стогнах городов, на камне площадей
Мы распряжём своих последних лошадей,
Уйдём в небытие без вздоха и без стона.
Вот так закончилась история людей —
Наивной песенкой про *Мэри и Мутона*.

Звук сверчка.

Ещё НЕ КОНЕЦ...

ЭПИЛОГ

Год 2999. Астронавты с корабля «Предприятие» вернулись на Землю, покорив пространство и время. На земле нет людей, нет зверей, птиц и насекомых, и только травы, травы... Астронавты ставят старинную видеозапись. На ней — Форт Сен-Жермен. Постаревший Аркадий Бэр, в одиночестве. Длинные седые волосы, глубокие морщины, ясные глаза и ум.

АРКАДИЙ БЭР.

Я в Форте Сен-Жермен. Я в самозаточеньи
С запасами еды провел семнадцать лет,
Как Монте-Кристо. Но кончается мой век.
Я на Земле — последний человек.
Ещё одно прекрасное мгновенье —
И летопись людей сойдёт на нет.
Семь лет молчит мой верный Интернет,
Мой телевизор пуст. И, безразличьем полны,
По радио лишь молнии разряд несут мне волны.

Лишь книги под рукой да плёнки старых лет
Мой коротают день. Столетия, быть может,
Пройдут, пока иной с других планет
На Землю ступит, всё поймёт и подытожит,
Тебе, пришлец, тебе —

прощальный мой привет.

Пойми, прости и помолись за нас,
Не повтори ошибку Человека —
Мы, как соринка малая, попали Богу в глаз,
И редкая слеза скатилась с Божиего века.
(Запись прерывается.)

.....

Преуменьшать их интеллект не надо,
Без всяких дополнительных затрат
Трава способна стала к производству яда
Сильней, чем всякий ядохимикат.
И вот сижу я, как король на именинах,
Всё подытоживая, кто же был неправ.
Шумите, ветры, на моих равнинах,
Лаская стебли ядовитых трав.

.....

(Запись прерывается совсем.)

АСТРОНАВТЫ. Есть в атмосфере ядовитый газ,
Здесь пребыванье пагубно для нас.
Наследники людей и персонажи драмы,
Пять женщин, семь мужчин, мы — Евы и Адамы,
Мы к звёздам снова, в путь, стартуем сей же час.
Другую родину и новую планету,
Не оглянувшись, мы летим искать по свету.
Прочь от Земли — сюда мы больше ни ногой,
Погибнем в космосе или найдём
себе мы дом другой.

Виктор Фет

Опасно промедление, нельзя нам ждать зари.
Ошибку предков снова, смотри не повтори...
(Корабль улетает.)

Всё ещё НЕ КОНЕЦ...



ФИНАЛЬНЫЙ ХОР МЫСЛЯЩИХ ТРАВ.

Дивная зелёная планета
Далеко из космоса видна,
Солнцем неисчерпанным согрета,
Дивная зелёная страна.

Пусть бушуют ураган и вьюга,
Пусть морозно сердце января,
Мы, растенья, не едим друг друга,
Нежную пыльцу ветрам даря.

Не страшны нам зимние морозы,
Зной пустынь и моря грозный вал,
Наши стебли полны целлюлозы,
Наше семя пестует крахмал.

Чудная зелёная планета
Избрана Создателем для нас,
На Земле животных больше нету,
Места нет на ней для хищных рас.

Не нужны нам сердце, кровь и жилы,
Мозг и нервы, мышцы и скелет,
Наша сила — зёрна хлорофилла,
Прочих сил на свете больше нет.

Дивная зелёная планета
Далеко из космоса видна,
Солнцем неисчерпанным согрета,
Дивная зелёная страна.

Звук сверчка. Вот теперь КОНЕЦ.

Виктор Фет

**Dolly's Follies,
or
The Mutant Mouton**

by

VICTOR FET

Illustrated by

BYRON W. SEWELL

Eotype

2017

To William Schwenk Gilbert

DRAMATIS PERSONÆ

ALCESTE (*a French biologist*)

ARCADY BAER (*a geneticist and Director of Fort St. Germain*)

GENE ONEGIN (*a Russian geneticist*)

LI (*a Chinese scientist*)

MARY (*a French biologist*)

MOUTON (*a cloned male horned merino lamb*)

BECKY (*a cloned merino ewe*)

VIRUS

Chorus of Scientists, Sheep, &c.



Взрослый Мутон / Adult Mouton

PROLOGUE

ALCESTE. My friends, here is the place to moor your boat.
My name's Alceste. Here stops the daily bustle;
I let you into this mysterious castle.
The drawbridge is down, so we can cross the moat.
Today I am your expert guide
To everything that's going on inside.

Fort St. Germain of olde, Venetian,
Now has acquired a nobler mission —
By every latest modern means,
Inside we scientists clone and ponder genes.

No funding source are we denied
For agricultural improvement;
We're safely hidden from that crazy movement
That fears to see genetic objects modified.

We've cloned some sheep, our Dolly's kin;
Her sons and daughters no longer need a father;
They all do differ from each other
By clever genes beneath their wooly skin.

ARCADY. In one of Europe's smaller states,
Behind our tightly guarded borders,
Behind the high secured gates
We clone genes for all disorders.

We ponder every bit and piece
Which our research we now can base on;
We found the gene for golden fleece —
The one pursued by noble Jason.
Nature's complex genetic mix
We split and fuse, repair and fix.

My name is Baer; Arcady Baer.
Today I'm famous everywhere,
And everybody sees my looks
In most biology textbooks,
Which show my face, both stern and wise,
And tell about my Nobel Prize.

But now I've come into my own;
Fort St. Germain — that's where I clone
All of creation's DNA,
And where I have no bills to pay;
Imagine this fantastic lab,
Where governments pick up my tab.

Here's Gene Onegin, a friend of mine,
Who's mastered our genetic art;
He knows your chromosomes by heart,
Their secret blueprint and design.
I'm so glad that he has joined
My lab at such a crucial point.

ONEGIN. Don't be afraid — please do draw near:
I'm a genetic engineer.
I have this talent and devotion
Of which the public has no notion:
You never see our know-how
Of what we scientists do for you:
Yet we have cloned a perfect cow,
A perfect lamb, a perfect ewe.

MARY. We undergo a strict review
By an expert panel, academic;
Due to the recent epidemic,
Our fortress is a solid shield;
No single germ we can afford to carry.
Please follow me. My name is Mary.
To many things we have to yield
For grants from private foundations,
And special funds from the United Nations,
We have security and high protection.

LI. My name is Li; I joined the action
From the Academy Chinese
For international inspection.
This fortress of the ages olden
Now truly brings us knowledge golden
Of rice, and soy, and animal disease.

CHORUS. Look! you'll see — by gosh! by golly!
That's the famous sheep named Dolly;
You were bound to find her here, it's true!
See what knowledge now allows;
Skip the bulls and clone the cows;
Dolly is a very special ewe!

From amazing, tiny cells
We clone everything that sells;
No breeding, just the clones on every farm;
Every farmer buys a kit
Where the genes are spliced and split;
We can only hope this does no harm!

This is the end of Nature as we knew it —
To our blueprint we can now bake and brew it
So every animal and even every grass
Will live its life as specified by us!

Victor Fet



Аркадий Бэр / Arcady Baer

MOUTON & BECKY. Bah, bah, black sheep —
Where have we been?
To Fort St. Germain,
To obtain a gene.

Children of Dolly,
With a gene from Polly.
Fort St. Germain,
Fort St. Germain,
Give us new genes,
By every means!

The grass is green,
Such verdant grass,
Give us a gene,
Give it to us!
One, two, three, four —
Give us some more!
Give it again,
Fort St. Germain,
Fort St. Germain.

LI. Miraculous! It's like a dream!

MARY. Technology is not as hard as it might seem.
Fort St. Germain is now a citadel of action,
Which will transform the human race to its perfection.

(Orchestra; waltz.)

A gene from a spider we'll weave in a tailor;
A gene from a dolphin we'll give to a sailor;
A gene from a swallow with a pilot will fly;
And a gene from a mole will be put in a spy.

In all that is living, in all Nature's creatures
We'll find and correct undesirable features;
Those genes will adorn with their final expression
A Garden of Eden designed to our fashion.

Oh wonderful castle, our Fort St. Germain,
Here future of mankind in earnest began
With skills of Onegin and wisdom of Baer
Our knowledge of genes will prevail everywhere!

SCENE 2

LI. Forgive me, sir, before I utter
An exclamation of surprise —
We had a common *alma mater*,
Where you were poised to get a Nobel Prize!

I had no clue whom I might find
At this experimental station;
Please do recall, if you don't mind,
Our celebrated graduation!

ONEGIN. Of course, old chap, I do remember you:
You were among the protein folks I knew:
You did good work on a coding box
Which helped to crack that deadly pox!
It's thrilling that again we meet!

LI. I heard about you from my tutors;
You were among the finest suitors
Of Science, that mistress harsh but sweet.

(Both laugh.)

ONEGIN. Unlike my namesake operatic;
I never led a life erratic.
From youngest years I knew my mission:
My future occupation, which
I could achieve in my position,
In Moscow born to parents rich.
You had to do well on a test —
Papá took care of the rest.
I was reluctant, however,
To utilize this common lever;
All by myself I forged my skill,
My genius brain and iron will.

LI. But how could someone so bright
Completely vanish from the public's sight?

ONEGIN.
I found a gene in sheep, which makes them — sheep.
Alas, the road to the Nobel Prize is very steep.
My countrymen despised my talent, skill and poise;
To head their bioscience I was not their first choice.
In shambles Russian labs; no one is pitching for us.
In sorrow and disgust, his funding halted Soros.
That's how I began my way to St. Germain,
This fortress of the times long gone,
ablaze with life again.

Waltz.

ARCADY.
Behold my working teams, with all their wisdom bright,
Like knights of old, they plunge into a reckless fight,
Through molecules abreast, through nuclear membranes,
Through twists of DNA, through lengthy double chains.

CHORUS OF SCIENTISTS.

Earth is green, and full of life all over,
Every race and species, beast and germ;
Every bird and every leaf of clover
Have their standards and fulfill their norm.

Native genes don't with each other mingle,
Their identities they forge and save,
Like inscriptions on an ancient shingle,
These instructions Nature did engrave.

Now to us this Nature did surrender;
We can make her walk the wanted line,
We can change and alter, splice and bend her,
We can change all life to our design.

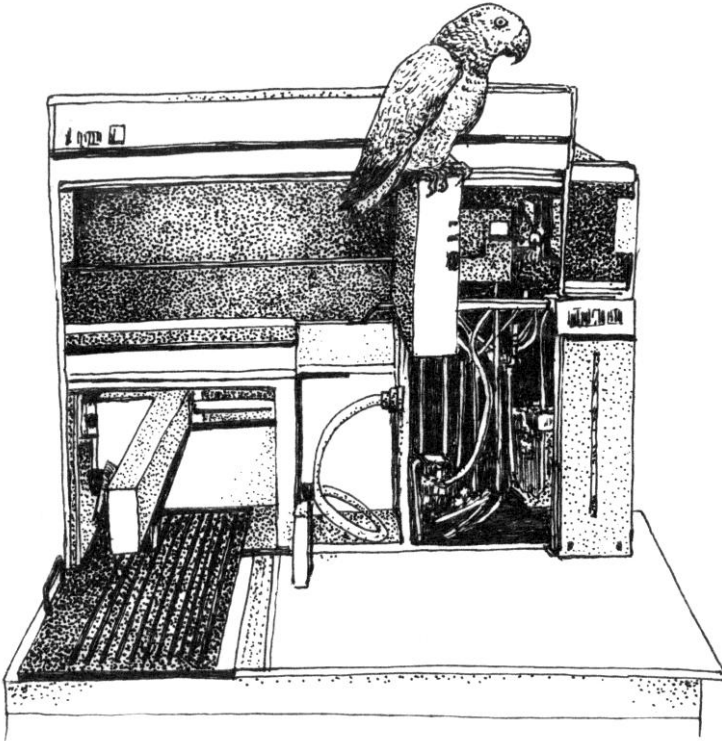
SCENE 3

ONEGIN. Behold the jar where genes reside:
Each has its wisdom and surprise.
With hopes high and fears aside,
We do not roll genetic dice.

From Nature's misty primal slumber,
From its ingenious abode,
Each gene, according to its number,
I can discover and decode.
I know my craft — yet I am still
In awe of this amazing skill.

ARCADY. In skin, in flesh, in blood and bones
We graft and grow wondrous clones.

In bunches tight, in lustrous clusters
Here lie the genes, both deaf and mute;



Victor Fet

We want this gene, we need the tools
To sheepify genetic pools!

Would not philosophers of old
Have bought this gene with pure gold?
To bridle the passions, curb the thoughts,
And thus create a model nation —
Oh what a future could be brought
By such a skillful operation!

(Opens the refrigerator. Chirp of a cricket.)

One, two, three, four — that's more than I had planned.
Class struggle, it seems to me, came to its end!
The humankind will be a single class,
With feelings of a sheep and reasoning of grass.
(Touches the bell.)

MOUTON *(wakes up.)*

Grass — grass — green grass.
Give it to us,
Fort St. Germain!
Fort St. Germain, give us new genes!
New genes again —

LI. Shut up, you stupid sheep!

Sound of broken glass, struggle, sirens.

VOICE. This is security — put your hands up — your plot has
been discovered!

Sirens.

LI. Now all is lost! To save my country's face and pride,
Come here, a faithful little pill of cyanide.
(Dies.)

Sirens.

SCENE 5

ARCADY. This tragic case we told about,
It demonstrates quite plainly why
There never was a single spy
Who'd carry all our secrets out!

Our St. Germain, this ancient fort,
Is monitored from every angle;
Thus every plot we can untangle
And trigger a security alert.

ALCESTE. Five days have passed since we have spoken.
Although the spy is now gone,
Behind the fence that holds Mouton
Some vials have been found broken.
All Mouton had to do was swallow.
The viral progeny did follow.
And now the engineered clone
Within his very genes is sewn.

ONEGIN. The sniveling spy, this craven coward,
Quite unbeknownst to himself,
Removed from fridge's upper shelf
The latest gene that I discovered.
The virus with the *human* clone
Was also swallowed by Mouton
Along with that infected grass.

ALCESTE. Fast forward now to five days later.
On day six was when the Creator
Made, in His own image, us —
And after this retired to rest,
Because He thought He'd done His best.

A viral message, finely crafted,
Is now into the lamb's genes grafted:
This secret code for what we call —
Onegin's Gene for a Human Soul.

MOUTON. Fort St. Germain, Fort St. Germain,
I am a lamb; I'm not a man.
All sheep are dumb — bah, bah, black sheep —
But why can I no longer sleep?
I sing this tune — the choice was made:
I speak the human tongue with no one's aid!

We are the sheep; we eat green grass.
No mind nor soul resides in us.
What fills my head? Who made my choice?
How did I come to have this voice?
Fort St. Germain, Fort St. Germain,
How can I learn to be a man?

SCENE 6

ALCESTE. And now, pray, with no more delays,
Let's jump ahead another sixty days.

ONEGIN. Here cricket chirps and firefly blinks,
And our dear lamb, he reasons and he thinks.

MARY. The transformation was miraculous. Not once
Has he returned our gaze with sheepish glance;

Dolly's Follies, or The Mutant Mouton

His eyes were bright with living human thought,
As if he were a human child upbrought!

ONEGIN. Outwardly, yes, a perfect sheep he looks —
But just a month has passed,
and he was reading books!

MOUTON. Sweet Mary, listen: here I find
Some lines about the human mind.
This book explains that any mind
has always a limit,
That oftentimes it is too lazy, shy and timid —
But mine does only grow and expand.
Please do explain; I do not understand.
What is my case? What is the trick?

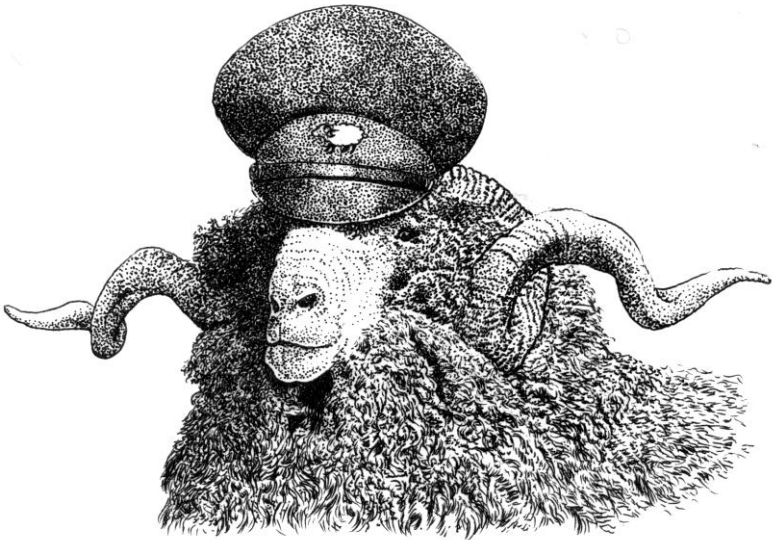
MARY. Mouton, you are just growing way too quick.

MOUTON. I read Shakespeare — this play
about the youth and maiden
Who loved and died. And then, that other play
Where the magician, Prospero, does say
“We are such stuff that dreams are made on.”
Please do explain to me
what this expression means;
You told me we are made of genes.

MARY. The difference is not as drastic as it seems —
Our genes inscribe their poems on our dreams.

ALCESTE. And from these dreams I beg you not to wake,
When we return to action after this short break.

INTERMISSION



Мутон-Вождь / Mouton the Leader

ACT 2

SCENE 1

ONEGIN (*plays a guitar*).

In Nature's wonderful tool case
Are many instruments we cherish,
Enzyme of Life — survive or perish —
Is *DNA polymerase*.

Of life and death it holds the junction,
Allowing genes to multiply.
I can so easily apply
And modify this noble function.

I can remodel and replace
Our genes in little tubes of plastic,
My glue — *ligase*, enzyme fantastic;
My scissors — *endonuclease*.

So lead us through the stormy ocean
Of hateful space and wasteful time,
Telomerase, my magic potion,
A god-like powerful enzyme!

The strings of my guitar will play,
The grass is green, and will be greener;
So much is open to the winner,
So much to learn from DNA!

Dolly's Follies, or The Mutant Mouton

I'll put an end to the unending ghastly slaughter!
I'll free from ancient bondage ewes and rams!

Men will forget their juicy mutton quarter,
They will forget their smoked ribs and hams,
Their bloody steak, their scalloped beef medallion,
Their spicy sausage Cajun and Italian!
Your skin will touch a soft synthetic fleece,
And tofu will replace your feta cheese!

Release me from this prison; let me go!

MARY. Will you come back?

MOUTON. I do not know,
And nobody can tell.
I bid you fond farewell,
Sweet Mary!

MARY. Fare thee well.

MOUTON & BECKY.

Please forgive us, Mama Dolly,
How could we've been so blind?
Our new goal is true and holy —
Liberating all sheepkind.

We will be the first pathfinders,
That's the answer; here's the rub:
World that has no grills and grinders,
World that has no shish kebab.

Cricket chirps.

SCENE 3

CHORUS OF SHEEP. From the lowlands, from the highlands,
From the barren pasture lands,
Break the fence and break the silence —
Sheep are voicing their demands.

One of us became so clever;
All of us with him will rise.
Other sheep will change forever:
Hail the King, Mouton the Wise!

Cricket chirps.

MOUTON. Over the mountains the moon is rising.
How can I close my eyes — how can I sleep?
I find myself to be the King of Sheep;
A role amazing and surprising.
It's rather fitting that a Dolly's clone
Sits on a non-existent throne.

Onegin's gene for human mind and senses
Invaded my four-legged flocks,
It undermines, unhinges and unlocks,
And sheep revolt and break their pens and fences.
Destroying every human farm and ranch,
And sheep continue to mutate and change.

They talk about joining forces
With bulls and cows, our distant cousins.
I did their parliament endorse;
They now parties form by dozens.

Dolly's Follies, or The Mutant Mouton

They just repeat again the silly human story:
Their New Lambist now fights a Sheepist Tory;
And Woolly Liberals upset the Flocks Agrarian
(Not even talking of a Hornless Libertarian).

But do I feel like them? And where do *I* belong?
I can't forget my little childish song:

*Fort St. Germain,
Fort St. Germain,
Give us new genes,
New genes again.*

Unlike my flocks, no power I desire
But I will have to rule my burgeoning empire.
Today I'm signing a decree
Declaring each and every livestock free.

*"Ducks and chicken, bulls and cows,
Beast and bird of every kind:
This decree for you allows
A degree of human mind.*

*Human genes to you are given
To enhance and to enliven
Your welfare and livelihood,
Use them wisely, for your good."*

Let future, wiser generations
Judge our motives and mutations.
With my good people I will stay,
And so far we rule the day!

CHORUS OF SHEEP.

A little virus brought by magic,
A human gene in us did splice,
That our life was always tragic,
We just began to realize.

The tales of future, words prophetic,
Our good Mouton, recite to us,
So lead us forth, our King Genetic,
Do lead us to the greener grass.



SCENE 4

CHORUS OF PEOPLE. Of all the natural disasters
This one appears to be the worst,
We ceased to be our livestock's masters,
All meat is gone, all meat is cursed.

No hamburgers from Maine to Texas,
It's such an awful disgrace,
It does so much perplex and vex us,
It harms and weakens human race.

No chicken fryers of Kentucky,
No smoked ribs, no juicy chop.
The livestock got so bold and plucky
That every butcher closed his shop.

With a strictly vegetarian diet
Our cells and genes we cannot cheat,
Our brains go flat, our mind goes quiet,
Our species needs its daily meat.

From England to the coast Pacific
No liver chopped, no ham, no steak;
Somewhere with our research scientific
We made a really big mistake.

ALCESTE. Thus did Mouton become a leader.
Where should we go from here, my reader,
My viewer, listener, spectator?
Should he become a vile dictator?

Should humans make another toy
To smash the rebels and destroy
Their freedom, as of olden days
We did within our own race?

Or maybe we should leave alone
The rebel sheep, and soon be gone
To join the fossil creatures' chorus
With trilobite and brontosaurus?

Anti-utopias abound
In modern literature and art;
Let's see which now, on my part,
The best solution I have found.

I'm scrolling down my old papyrus
(Or, rather, my computer screen),
Let's see what normally cannot be seen:
I now present to you a Singing Virus.

VIRUS.

Behold the cell where genes reside,
And me inside, a lowly virus,
Genetically modified.
Cells have their own, ancestral pride:
We did not ask them to admire us,
But welcome and admit they did —
Of us no system can get rid.
Besides ourselves, no one can tell
Of a thing as lovely as a cell.

Oh structure marvelous and bright,
So vulnerable to my advances,
There protein unfolds and dances,
It fires the nerve and traps the light.
The cell is such an open gate,
It's so much fun to penetrate.

Along the fibrous muscle lanes,
Inside the air-filled rooms of lung,
Down the flow of blood,
 through thick membranes,
To tissues deep and cells unsung,
My playful kin forever roams
In wholesome bulks of chromosomes.

To plants, and beasts, and creatures all
We bring the gene of human soul.

So count your sheep, and make your calls,
And do not ask for whom the bell tolls.

Your fate is sealed; we are the wax.
Be calm; sit back; enjoy; relax.

Cricket chirps.

SCENE 5

ALCESTE. We meet again. Now seven years have passed.
The humans and the sheep have been at war.
There is a treaty to be signed at last.

ARCADY. Do you remember how we dined before
This nightmare started? I am thrilled
Just to recall a leg of mutton grilled
With drops of fat like beads of amber;
But how it tasted I do *not* remember.

They used to eat those lambs since fall of Troy!
We now only have a substitute of soy.

ONEGIN. Well — soy is good for you.

And for the giant rice
Fort St. Germain just got its Nobel Prize.

ARCADY My stomach cannot keep pretending,
And barely works this brilliant mind of mine;
But a good thing is that the war is ending,
We wait for their ambassador to sign
The treaty; here we should not tarry,
They're asking you to represent us, Mary.

MARY. If we will sign this treaty rather quick,
Perhaps our future would not look so bleak.
We badly need their milk for kids —
The cows and sheep have other needs;
Of grass we could supply the seeds,
Along the borders that divide our nations
We could establish trading stations —

ONEGIN. That's him below! Mouton, our fateful clone!

MARY. I beg you all, withdraw. Leave us alone.

MOUTON (*entering*).
Sweet Mary?

MARY. Yes.

MOUTON. It's you;
And you have grown pale.
I see you, and I can't believe.

MARY. Mouton, do you regret the day
when you resolved to leave?

Dolly's Follies, or The Mutant Mouton

MOUTON. They are so tasty. And I do remember
Your sweet green grass I used to eat.

MARY. That's what we feed on: no more meat.

MOUTON. In Scottish heights, since last September
Until this May, I had to hide. (*Coughs.*)
They put a price on my thick hide,
As if it were the golden fleece!
You know, the Nobel Prize of Peace:
To catch Mouton alive or dead
And bring as a trophy my horns and head —
(*coughs.*)
Oh, Mary, I would like to know —
Would you, in case you knew, give me away?

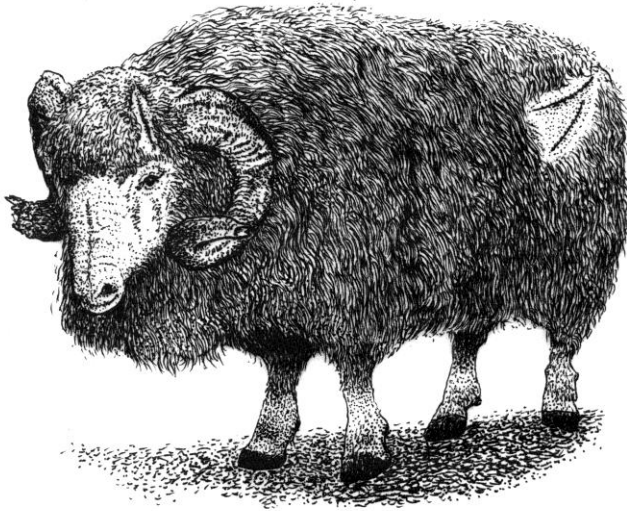
MARY. How can you say this — seven years ago
I freed you on this very day — (*coughs.*)

MOUTON.
Why are paler still? What is the reason?
You hardly breathe! Alfalfa! poison? treason?
Somebody's vicious hate?
But no, we both ate — (*coughs.*)

MARY. Alfalfa — toxins — let me see your face —

MOUTON. No, Mary, no, do not die —

MARY. It is too late — Mouton —
I tried to save you, I —
But we are children of another race —
(*dies.*)



MOUTON. No, Mary, look —
her eyes are like Venetian glass —
Fort St. Germain —
Green grass — green grass —
(*dies.*)

Cricket chirps.

SCENE 6

ALCESTE. Through the back doors they were carried,
By the tower they were buried.

Twenty days it did us take
To stop the toxic outbreak.

In another twenty days,
Toxins hit another place.

ONEGIN. Here alfalfa, there potatoes
Get the gene for human soul.
All these species now do hate us,
Daily taking a deadly toll.

ARCADY. Thus evolved in every species
Human features vile and vicious:
Every trait so grim and base,
Every sin of the human race.

ONEGIN. Genes have turned their deadly toys on,
Everyone evolving poison,
Traits for vengeance, spite and hate
Were so fast to dominate.

ALCESTE. There's a reason to be hated:
Grilled or fried or marinated,
Those species make our food,
Their revenge will be no good;
Them for centuries we ate;
No surprise they harbor hate.

Dolly's Follies, or The Mutant Mouton

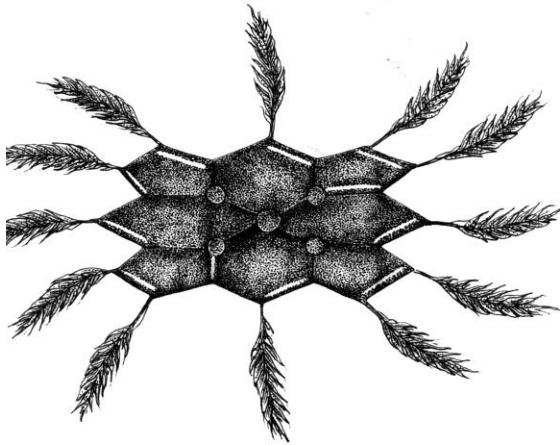
That's how the world will end,
not with a bang but with a song
Of Mary and Her Little Lamb.

MARY'S VOICE (*waltz from Act 1.*)

A gene from a spider we'll weave in a tailor;
A gene from a dolphin we'll give to a sailor;
A gene from a swallow with a pilot will fly;
And a gene from a mole
will be placed in a spy.

ALCESTE. So be it might; yet I see outcomes various,
My mind is full of different scenarios.
I give you one of them,
just to conclude our class:
Here is a chorus of the future, toxic grass.

Cricket chirps.



Об этой книге

«Доллина доля» — либретто в духе викторианской комической оперетты Гилберта и Салливана. Русская версия была написана в 1998г., вскоре после того как Иан Вилмут в Шотландии клонировал знаменитую овечку Долли. Сокращенный английский вариант написан автором в 2001 г., и отредактирован Байроном и Викторией Сьюэллами в 2016 г.. «Долли» также опубликована на болгарском языке в переводе Тани Масалитиновой (2007).

Об авторе

Виктор Фет окончил Новосибирский университет в 1976 г., работал зоологом в Средней Азии, с 1988 — в США. Преподаёт биологию в Университете Маршалла (Хантингтон, Западная Виргиния). Публиковал стихи и эссе в периодике США, Германии, России. Автор ряда литературоведческих очерков о творчестве Льюиса Кэрролла и Владимира Набокова. Опубликовал пять книг стихов по-русски. Издательство «Evertime» (Ирландия, www.evertime.com) в 2016 г. выпустило его перевод «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла, а также фантазию «Алиса и машина времени» (2016, по-английски и по-русски).

Об иллюстраторе

Байрон В. Сьюэлл — инженер-химик, коллекционер и иллюстратор книг Льюиса Кэрролла, автор многочисленных пародий и вариаций на кэрролловские темы (многие из которых опубликованы издательством «Evertime»), а также нескольких серьёзных библиографий. Он проиллюстрировал книгу «Алиса и машина времени»

Мы благодарны Натану Р. Сьюэллу за дизайн обложки.

About this Book

Dolly's Follies is a libretto in a Gilbert-and-Sullivan style, which has not yet been set to music. It was originally written in Russian in 1998, soon after Dolly the Sheep was famously cloned in Scotland by Dr Ian Wilmut. Byron W. and Victoria J. Sewell assisted in preparation of the abridged English version. The libretto has also been translated into Bulgarian (2007) by Tania Masalitinova.

About the Author

Victor Fet graduated from Novosibirsk University in 1976 and worked as a zoologist in Central Asia. In 1988 he and his family emigrated to the USA. He has taught biology at Marshall University (Huntington, West Virginia) since 1995. Victor has published poems and essays in various journals and almanacs in the USA, Germany, and Russia, along with a number of critical essays on Lewis Carroll and Vladimir Nabokov. He published five books of poetry in Russian. In 2016 his translation of Lewis Carroll's famous epic nonsense poem, *The Hunting of the Snark*, as well as an original science fiction fantasy, *Alice and the Time Machine* (in English and Russian) were published by Evertime (Ireland, www.evertime.com).

About the Illustrator

Byron W. Sewell is a chemical engineer, a Lewis Carroll collector, illustrator, and the author of numerous Carroll-inspired parodies, novels, short stories (many of which have been published in recent years by Evertime), and several serious Carrollian bibliographies. He illustrated *Alice and the Time Machine*.

We thank Nathan R. Sewell for his help in creating the book cover.

